
ДИСКУССИЯ

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОНЯТИЕ

© 2012 г. А. В. Махнач

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии РАН, Москва*

Обсуждается значение и использование термина “жизнеспособность человека” в психологической науке. Проведен анализ понимания жизнеспособности в философии, кибернетике, истории, экономике и социальных науках, описывается появление данного термина в отечественной и зарубежной психологии. Разводятся понятия “жизнеспособность” и “жизнестойкость”. Жизнеспособность определяется как способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех ее проявлениях, способность существовать и развиваться.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, жизнеспособность системы, жизнестойкость, resilience.

ПОЯВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ “ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ” КАК НАУЧНОГО ТЕРМИНА

Понятие “жизнеспособность” первоначально было разработано в физике материалов, затем появилось в биологии, философии, экологии, социальных науках. Несмотря на “техническое” первенство в изучении и разработках моделей жизнеспособности, исследователи обратились к жизнеспособности живых систем. Особенно детально жизнеспособность как научное понятие было разработано в 1970-х годах в экологии систем, кибернетике. Постепенно концепции жизнеспособности утверждаются в качестве доминирующего дискурса в области управления системами, природными и человеческими ресурсами. В настоящее время кибернетика по-прежнему играет роль в создании “нового языка”, “переменных высокого порядка” в исследованиях жизнеспособности, занимаясь ее моделированием [65]. Вместе с тем “наука нуждается в интердисциплинарной обобщающей теории жизнеспособности любых систем” [44, с. 3]. Жизнеспособность систем стали рассматривать как “форму проявления активности и адаптивности системы” [там же, с. 3]. Концепция жизнеспособности быстро развивается в общественных и социальных науках, становясь надтеоретическим конструктом и

регулярно появляясь в научных исследованиях, в обсуждении международной и финансово-экономической политики, в анализе корпоративных рисков, в области социальной психологии, при разработке национального, регионального и городского планирования, здравоохранении, национальной безопасности. В ряде теоретических исследований последних лет показано, что жизнеспособность рассматривается как мета-теория, которая объединяет и/или включает в себя, в том числе, различные теории полей, а также психонейроиммунологию, философию, физику, психологию, восточную медицину, неврологию, экологию, социологию, антропологию.

Термин “*resilience*” буквально переводится как гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям) и как способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. Это слово происходит от латинского *resili*, что означает “вернуться”, “прийти в исходное состояние”. В отечественной научной переводной литературе этот термин переводится по-разному; мы считаем, что английский термин “*resilience*” в русском языке наиболее полно отражает понятие “жизнеспособность”, что попытаемся доказать в данной статье.

Задача данной статьи – обосновать введение в научный оборот нового для отечественной пси-

хологической науки термина “жизнеспособность субъекта”, а также проанализировать проблемы, связанные с этим: содержание и уточнение понятийного аппарата, обоснование адекватности перевода на русский язык термина “*resilience*” как “жизнеспособность”, соотнесение его с другими, близкими по смыслу терминами, а также с существующим в отечественной психологии подходом к жизнеспособности по Б.Г. Ананьеву [3]. Также считаем, что необходимо говорить о *Homo resilimus* – человеке жизнеспособном, или как принято в научной традиции – жизнеспособности человека. Для доказательства этого был проведен анализ понятийного поля термина “жизнеспособность” как междисциплинарного понятия в зарубежной и отечественной психологии, философии, кибернетике, социальных и медицинских науках.

В отечественной философии этот термин впервые был употреблен А.А. Богдановым, автором концепции исторически первой наиболее известной общей теории систем [8]. Очень важной характеристикой системы, по А.А. Богданову, является то, что приспособленные части системы подбираются и создаются, при этом каждая часть нацелена не на избирательное выживание, а на соответствие организованного целого своей среде. Система описывается, в том числе, и таким понятием, как “жизнеспособность”. Также важна для нашего понимания жизнеспособности как системного свойства идея А.А. Богданова о неустойчивости системы как источника ее внутреннего развития, приводящего ее к более высокой организации. Термин “жизнеспособность” им был использован для определения динамической устойчивости развития в среде, при этом часто понятия “жизнеспособность” и “устойчивость” им используются как синонимы. По его определению, “всякая жизнеспособность относительна; она существует только по отношению к той или иной данной среде; и элементы, в высшей степени приспособленные для одной среды, наиболее устойчивые под ее влияниями, в другой среде или под существенно иными воздействиями могут оказаться, и в большинстве случаев окажутся, мало приспособлены и неустойчивы” [9, с. 215–216]. Обращаясь к феномену жизнеспособности человека и исследуя его, А.А. Богданов делает вывод о том, что «весь захваченный нами комплекс вопросов требует, прежде всего, научного выяснения того, что же такое сама “жизнеспособность”». В своей книге “Борьба за жизнеспособность” он пишет: “Наши опыты не являются достаточным доказательством для высказанных теоретических предвидений, но все же, я думаю, что нечто нами доказано, а именно – здесь есть

что исследовать – жизнеспособность” [8, с. 142]. Таким образом, жизнеспособность человека, по А.А. Богданову, имеет системный характер, непрерывно приспособляя части системы друг к другу для динамической устойчивости развития человека в среде¹.

Идея максимума организованности и порядка в системе, включавшей в себя “утопию разумных человеческих отношений” [9, с. 71] и цели коллективной борьбы за жизнеспособность, нашла отражение в ряде исследований философов, этнологов, лингвистов, экономистов, историков. Философ и социолог А.С. Ахиезер рассматривает жизнеспособность как категорию синонимичную категории “воспроизводство”, т.е. способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, преодолевая их и отвечая на них соразмерно реальному вызову истории [5]. В рамках разрабатываемой им концепции выживаемости, жизнеспособность понимается как “способность субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование” [там же, с. 59–60]. Различным угрозам обществу и катастрофам, по его мнению, противостоит способность людей, (со)обществ воспроизводить себя, (суб)культуру, отношения, способность выживать, наращивать жизнеспособность, свой творческий рефлексивный потенциал, обеспечивать прогресс массового гуманизма, превращать конструктивную инновацию в культурную ценность. Следует отметить, что среди переменных, определяющих жизнеспособность общества, он выделяет важную способность последнего воспроизводить себя, отношения, культуру. Все это изучается в психологических исследованиях как базовые признаки жизнеспособности. А.С. Ахиезер выделяет в качестве характеристики, лежащей в основе жизнеспособности как системного феномена, способность субъекта преодолевать трудности, которую следует относить к *совладанию (копингу), жизнестойкости*. А выделяемая им способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, по нашему мнению, является уже характеристикой *жизнеспособности* субъекта.

Философ В.Н. Шевченко определил понятие “жизнеспособность” как “способность существовать, воспроизводиться и развиваться, с возра-

¹ Позже, с 80-х годов прошлого столетия философы, экологи, экономисты стали говорить о динамической устойчивости развития системы как основной характеристике жизнеспособности систем [11, 19 и др.].

стающей ролью которой при изучении кризисных состояний государства, которое должно управлять потоком социальной энергии, придавать ему определенную упорядоченность и, главное, – направленность” [56, с. 6]. Говоря о концепции устойчивого (жизнеспособного) развития человечества, философ О.С. Разумовский предложил не забывать о существовании фундаментальных общесистемных законов, формирующих, в частности, устойчивое развитие общества и государства [43]. Для этого необходимо соблюдение нескольких критически важных условий: а) усиление гуманизации всех отношений между людьми на всех уровнях; б) развитие руководства и управления как высокопрофессионального занятия; в) прекращения манипуляции общественным сознанием посредством контроля СМИ со стороны государства; г) создание психологических условий для сплочения людей, кооперация во всех сферах деятельности – иначе последует потеря поколения; д) сужение сферы действия отрицательной активности людей, так как индивидуализм и эгоизм в крайних проявлениях опасен для человечества; е) расширение сферы действия в обществе положительной активности людей [там же]. Развитие нашего общества за последние десятилетия выявило значимость всех этих условий, а их неисполнение, к сожалению, повлекло за собой ряд событий, которые никак не могут быть соотнесены с жизнеспособностью общества и государства в целом. Среди критических признаков жизнеспособного общества, прежде всего, выделяются следующие: гуманизация отношений в обществе, определенные личностные качества лидеров общества, кооперация, активность и позитивность членов сообщества. Как известно, практически все эти признаки являются характеристиками жизнеспособности, они были положены в основу исследований жизнеспособности не только больших групп, но и семьи как малой группы, индивида. С.Г. Кара-Мурза постулирует понятие “жизнеспособность” как метафору в отношении цивилизации, как продукт культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс) [26]. По его мнению, необходима непрерывная работа по предвидению и конструированию будущего, которая является “важным индикатором жизнеспособности цивилизации (как и страны), когда цивилизация указывает цель как образ светлого будущего” [там же, с. 18]. К основным признакам цивилизации, которые формируют ее жизнеспособность, им отнесены: 1) народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте; 2) природные условия

(территория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы); 3) культура во всех ее срезах: универсум символов и ценностей; знания, навыки и умения, системы их социодинамики; искусство; техносфера; хозяйство; 4) государство [там же, с. 22–23].

Таким образом, в философии жизнеспособность как общества, так и отдельного человека проявляется в их динамической устойчивости развития в среде, способности субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование, способности существовать, воспроизводиться и развиваться в рамках устойчивого развития общества.

В наиболее близкой области к психологическим исследованиям – **биологии** – понятие жизнеспособности использует И.И. Шмальгаузен [58], который, будучи убежденным дарвинистом, на несколько десятков лет предвосхитил исследование жизнеспособности человека. Именно он впервые в своих исследованиях показал, что необходим гомеостаз факторов риска и факторов жизнеспособности – среда, которая представляется оптимальной для “нормального” организма “фактором среды, всегда необходимым для жизни каждой особи” – позже другими исследователями они были названы факторами жизнеспособности². И что особенно важно в его исследовании – это указание на важность “соотношения этих факторов (факторов жизнеспособности) с факторами риска, которые и решают вопрос о жизнеспособности особи” [там же, с. 22]. Он также разводит два понятия: “приспособленность” и “жизнеспособность”: «Известная степень “приспособленности” есть одна из неотъемлемых характеристик жизни, и мерилем этой приспособленности является лишь *жизнеспособность организма в данных условиях*» [там же, с. 132], привязывая последнюю к условиям, в которых она может проявляться. По его мнению, если говорить о повышении жизнеспособности в разнообразных условиях среды, а это возможно в случае повышения организации, с установлением более широких адаптаций, то эволюция может привести к расширению среды обитания с использованием новых возможностей [там же, с. 195].

Таким образом, в биологии жизнеспособность организма (системы) является мерилем их приспособленности к существующим условиям. Повы-

² Только в 80-х гг. прошлого века психологи, исследующие жизнеспособность, стали говорить о факторах риска для человека [60, 69, 78].

шение жизнеспособности напрямую связывается с уровнем организации системы и расширением ее возможностей – отношения среды с системой, развиваясь, повышают жизнеспособность организма и системы в целом.

Утверждения теории жизнеспособности систем [44], сформулированные в философии и биологии, описанные А.А. Богдановым [9], биологом Н.Ф. Реймерсом [45] и позже проанализированные философами О.С. Разумовским и М.Ю. Хазовым [44] могут быть основой исследований жизнеспособности как психологического понятия [36].

ПОЯВЛЕНИЕ ТЕРМИНА “ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ” В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

В отечественной науке по-разному переводимый термин “*resilience*” начинает появляться с середины 1990-х годов, чаще всего в обзорах иностранной литературы. Исследователи в разных областях знания (медицина, экология, экономика, социальные науки и, в частности, психология), нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системной характеристики человека, стремятся ассимилировать результаты исследований философов, кибернетиков, используя для этого существующие теоретические конструкции.

В **медицине, психиатрии** в ряде работ отмечается, что существуют концепции, концентрирующиеся на проблеме повышенной чувствительности и устойчивости к стрессовому реагированию, которые не всегда соотносятся с лексиконом и диагностическими подходами современной психиатрии. К ним относятся исследования психологических факторов *индивидуальной пластичности (resilience)* [16]. В медицине жизнеспособность рассматривается как критерий здоровья, показатель, интегрально отражающий состояние человека и изменяющийся как во времени, так и под влиянием различных факторов (внутренних и внешних, позитивных и негативных). Как всякая система, система “здоровье” должна характеризоваться структурой, состоящей из системообразующего фактора (или ядра) и элементов (в нашем случае показателей здоровья). Сущностью (ядром) данной системы является определенный уровень жизнеспособности, который, как в любом живом организме, зависит от степени постоянства, консервативности, стабильности его внутренней среды [59]. Получивший в последнее время широкое распространение в медицинской литературе термин “связанное со здоровьем ка-

чество жизни” (подразумевающий интегральную характеристику физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека, основанную на его субъективном восприятии) стал одним из ключевых понятий в паллиативной медицине, неврологии, педиатрии, гематологии, онкологии. Среди переменных, характеризующих это качество, становится особенно важной жизнеспособность [40].

Таким образом, в медицине жизнеспособность рассматривается как психологический компонент (элемент) физического здоровья, как субъективная оценка индивидом себя полным сил и энергии. В понимании жизнеспособности присутствует субъективная оценка индивидом своего жизненного тонуса, бодрости, энергии и чаще всего рассматривается как показатель интегральной характеристики здоровья.

В **социологических исследованиях** термин “жизнеспособность” появляется в публикациях, посвященных анализу причин устойчивости развития общества. А.Н. Демин, опираясь на англоязычные источники, связывает совладающее поведение человека, потерявшего работу, с *resilience*, определяя это понятие как способность к *преодолению трудностей и кризисов* [22]. Т.А. Гурко, оценивая развитие института семьи, отмечает, что существуют полярные позиции *упадка семьи (decline)* и *пластичности (resilience)* [20]. “Жизнеспособность социальной системы определяется не столько принципами экономического детерминизма, сколько ростом целевой и прикладной значимости социальности во всех сферах и процессах” [29, с. 3]. При этом автор, говоря об устойчивом развитии общества, предлагает формировать в обществе установку на необходимость создания условий и норм, формирующих потребности нравственно-личностного участия граждан в процессе управления развитием общества, как мотивированного базового основания его жизнеспособности [там же, с. 21].

Таким образом, в социологии жизнеспособность человека (общества) определяется прежде всего как механизм совладания, проявляющийся в преодолении трудностей и кризисов. В исследованиях, посвященных анализу причин устойчивости развития общества, социология нацелена на поиск оснований его устойчивого развития во всех социальных сферах и процессах.

В **экологических и экономических исследованиях** с 1987 г. в рамках концепции устойчивого развития, появившейся в результате объединения трех основных точек зрения: экономической, социальной и экологической, – все чаще стали

говорить о том, что эта концепция социально ориентирована. Она направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов [19]. В экологии, экономике, изучая устойчивость развития предприятия, города или даже системы в целом, практически во всех исследованиях, прежде всего, говорят об их жизнеспособности. С экологической точки зрения, в устойчивом развитии особое значение имеет жизнеспособность локальных экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы в целом [там же, с. 129]. В этом случае возникает необходимость обращения к понятиям природных систем обитания человека, понимание им экологии среды, в которой он обитает, его жизнеспособности в этой среде. Жизнеспособность индивида и общества изучается на нескольких уровнях системы, включающей (но не ограничивающей) следующие категории: индивид, группа, сообщество, семья, соседи, население определенной территории проживания, демографическая группа (по полу, возрасту, этническому признаку); муниципалитет, регион, область, государство – на системном уровне (экономическом, политическом, ценностном); существующая инфраструктура; доступные услуги; характеристики окружающей среды [62, с. 10]. В исследовании устойчивого развития систем (*sustainable development*) Х. Босселем среди ряда признаков, характеризующих устойчивое развитие любой из систем, в качестве основного признака также выделяется жизнеспособность (*resilience*). Он считает, что жизнеспособность подразумевает устойчивость (и наоборот) [11]. В данном случае устойчивость характеризует способность системы не только выдерживать масштабный удар, но и быстро восстанавливаться, в том числе в видоизмененном виде, адаптированном к новым условиям [50, с. 46]. Концепция жизнеспособного предприятия также связана с общим подходом к устойчивому развитию, который реализуется в том, что “предприятия будут создавать жизнеспособное общество посредством деловой активности, в полной мере отражающей экономические, экологические и социальные аспекты” [49, с. 7]. В исследовании муниципального образования жизнеспособность означает способность хозяйствующих субъектов территории обеспечивать устойчивое функционирование и развитие объектов. Основой жизнеспособности муниципального образования является его потенциал развития как совокупность социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов [48, с. 12–13]. И что особенно важно, жизнеспособ-

ность социальной системы во многом будет определяться результативностью ее системы управления, способностью последней рефлексировать, адаптироваться, создавать условия и модели, адекватные современным тенденциям и закономерностям [29, с. 4].

В экономических и экологических исследованиях доминирует понимание жизнеспособности как устойчивости развития предприятия, города, системы в целом. Особое внимание в исследованиях уделяется способности системы не только противостоять сильному воздействию, выдерживать удар, но и быстро восстанавливаться, адаптироваться к новым условиям, устойчиво функционировать и развивать стабильность жизни людей. В этой научной области жизнеспособность связана с устойчивым функционированием локальных экономических или экологических систем, от которых зависит стабильность всей экономической системы и биосферы в целом.

В исторической науке ряд исследователей также использует термин “жизнеспособность”, вкладывая в него разное содержание. А.П. Назаретян, например, связывает жизнеспособность общества с технологическим потенциалом и качеством культурных регуляторов этого общества [39, с. 118], от которой зависят механизмы сдерживания агрессии, необходимые для сохранения общества. В фундаментальном историческом труде “Постижение истории” А. Тойнби, говоря о вызовах истории и характеризуя общество на разных этапах развития и упадка, считает, что “каждый раз одни общества проигрывают, другие успешно находят решение, но вскоре некоторые из решений оказываются несовершенными в новых условиях, тогда как другие проявляют жизнеспособность даже в изменившихся обстоятельствах” [52]. По мнению В.И. Уколовой, исследователя А. Тойнби, *жизнеспособность цивилизации* определяется возможностью последовательного освоения жизненной среды и развитием духовного начала во всех видах человеческой деятельности, переносом “Вызовов и Ответов” (по А. Тойнби) из внешней среды внутрь общества [53, с. 12]. Интересен взгляд А. Тойнби на развитие общества, переживающего разлом или катастрофу, в котором признаком неблагополучия будет являться наличие раскола между наиболее жизнеспособными силами общества. К признакам неблагополучного общества и, соответственно, потере жизнеспособности общества относят следующие.

1. Распространение девиаций, превышающих допустимую меру, которая приводит к потере жизнеспособности общества.

2. Согласие общества с девиантным типом поведения и распространение “нормальных девиаций”.

3. Снижение в обществе роли основополагающего социального института – семьи.

4. Потеря обществом способности к развитию, естественному воспроизводству ресурсов.

5. Потеря ощущения будущего, цели, развитие апатии, пессимизма, актуализация духовных составляющих умирания социума [27].

Существует взаимозависимость социального благополучия, существования “работающих” социальных институтов, культуры как социального института, развития разного рода социальных девиаций и жизнеспособности общества. Во всех культурах, которые называют жизнеспособными, прежде всего, обращают внимание на моральные ценности, связанные с функционированием семьи в обществе, на существующие в обществе идеи воспитания, отношение к детям, старикам, больным и инвалидам, отношение к тем видам социальной активности, которые могут разрушить или, наоборот, развить это общество. Любой жизнеспособный социум должен уметь согласовывать интересы и деятельность отдельных личностей и групп и приводить их в соответствие с общими интересами данного социума, равно как и осознавать эти общие интересы в более или менее рациональной форме [35].

Таким образом, историки, прежде всего, обращают внимание на освоение жизненной среды человеком и развитие духовного начала как основания его жизнеспособности и культуры в целом. Их исследования обращены на моральные и семейные ценности, существующие в обществе, социальную активность каждого члена общества, которые обеспечивают жизнеспособность общества.

В педагогике продолжается традиция первой волны исследований жизнеспособности детей, которые в силу обстоятельств оказались в неблагоприятных условиях жизни. З. Войтинас, характеризуя детей, живущих в экстремально трудных условиях (например, в полностью деградировавших семьях) и остающихся “неповрежденными”, определяет это свойство детей как “жизнеспособные” (*resilient*) [17].

В ряде исследований перехода молодых людей из числа сирот во взрослую жизнь обсуждается жизнеспособность социальных систем, способствующая нормальной включенности молодых людей в социум. По мнению Дж. Пинкертона, социальная вовлеченность соединяет индивидуальные психосоциальные “активы” с коллективными

социальными, экономическими и культурными ресурсами [41]. Данная концепция вовлечения в общественную жизнь детей-сирот стимулирует размышления над проблемой *устойчивости (resilience)* социальных систем на фоне изменений, хотя это направление, по мнению ряда исследователей, еще не разработано [там же]. При изучении причин социального исключения детей В.В. Хухлина уделяет внимание проблеме жизнеспособности в связи с неэффективной социализацией и формированием девиантности у детей-сирот и бездомных детей. По ее мнению, “жизнеспособность – это умение человека преодолевать серьезные проблемы и восстанавливаться” [55, с. 71]. В исследовании влияния употребления алкоголя и наркотиков на здоровье и развитие ребенка [18] был сделан вывод о том, что долгосрочные и краткосрочные последствия для ребенка, растущего в семье, где один из родителей имеет серьезные проблемы с употреблением алкоголя и/или наркотиков, будут зависеть от защитных механизмов ребенка и его способности предотвратить, минимизировать или *преодолеть негативные психологически травмирующие ситуации (resilience)*. В этом исследовании жизнеспособность рассматривается как *преодоление* этих ситуаций [там же, с. 138]. В изучении студенчества как коллективного субъекта учебно-воспитательного процесса обучения жизнеспособность рассматривается как одна из базовых характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде [6].

Таким образом, в педагогике жизнеспособность – это умение человека преодолевать серьезные проблемы и восстанавливаться, одна из базовых характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Впервые в 1942 г. в исследованиях социальных работников во время войны была обнаружена «удивительная жизнеспособность детей в опасных для них условиях жизни, которые не затрагивали их, даже если их “вырывали с корнем” из семьи» [79]. В 1970-х гг. в курсе детской психопатологии впервые прозвучал термин “неуязвимый ребенок” [69]. Этот термин являлся ключевым для описания личностных и социальных изменений в жизни детей, подростков, выживающих в неблагоприятных условиях жизни.

В российскую психологию понятие “жизнеспособность” было введено Б.Г. Ананьевым, который рассматривал ее в числе основных потенциалов развития [3]. Несмотря на его широкое использование, Б.Г. Ананьев не дает точного определения, имея в виду общую способность человека к эффективному функционированию, которая соотносится с высоким уровнем жизненных функций, с наиболее активными и продуктивными фазами человеческой жизни (см. [23]). Эти составляющие жизнеспособности являются, по нашему мнению, основными в большинстве зарубежных исследований конца XX в. Можно с уверенностью сказать, что теоретические представления Б.Г. Ананьева о жизнеспособности человека намного опередили операционализирование этого понятия в более поздних экспериментальных исследованиях за рубежом (см., например, [72, 76, 82] и др.).

По нашему мнению, исследования жизнеспособности с момента появления в социальных науках проходят в рамках медицинской модели. “Медицинская модель” – это термин, предложенный Р. Лэнгом для определения набора процедур и описывающий все процессы в человеке (его болезни) или обществе как симптомы и синдромы с последующим лечением (индивида, общества) [71]. Теоретические модели некоторых научных направлений полностью базируются на постулатах медицинской модели: психодинамические теории, психогенетические теории, биохимические теории, теории стресса, культурно-историческая концепция психического развития и теория когнитивного развития Пиаже, и те исследования жизнеспособности, которые были нацелены на изучение механизмов совладания человека, как правило, в сложных жизненных ситуациях. К ним относятся следующие исследования, условно выделяемые нами в пять этапов:

1. Исследования Н. Гармези в 1940–1950-х годах по проекту “Компетентность” (*Project Competence*), в котором исследовалось взаимовлияние родительской компетентности, неблагоприятных условий жизни и жизнеспособности детей. Была показана значимость родительских компетенций для прогноза функционирования детей и развития у них неуязвимости как свойства, даже в случае с серьезными психическими заболеваниями родителей [69]. Термин “неуязвимость” (*vulnerability*) впоследствии заменили на “жизнеспособность” (*resilience*), количество исследований в психологии по теме жизнеспособности значительно возросло. Первая волна исследований была направлена на изучение за-

щитных механизмов, которые предсказывают жизнеспособность, с попыткой понять, что смягчает влияние факторов риска на детей. Н. Гармези, исследуя психосоциальную компетентность, неблагоприятные условия жизни и жизнеспособность, показал, как формируются и реализуются цели развития ребенка в условиях, к этому не располагающих [69, 78]. Позже в психологии развития концепция целей развития становится одной из центральных тем [76].

2. Лонгитюдные исследования жизнеспособности Е.Е. Вернер и ее сотрудников на о. Кауи (Гавайские острова, 1950–1980 гг.) [82] были направлены на изучение развития около 700 детей. Изначально они рассматривались как имеющие высокий риск нарушений поведения в подростковом возрасте. Однако часть из них оказалась полностью адаптированной в социуме, им не потребовалась для этого психологическая помощь. Подобные исследования проводились в г. Крайстчерч, Новая Зеландия (*Christchurch Health and Development Study*, 1977–1990 гг.) [60, 68].

3. Третья волна исследователей из Канады (*Search Institute Resiliency Canada*) изучала ресурсы, связанные с жизнеспособностью, которые оказывают влияние на детей как группу [64, 66]. Фокус этих исследований сместился от поиска механизмов, которые предотвращают риск, от изучения траектории развития ребенка, к тому, как наилучшим способом создать ценные качества личности, развивая детей и их окружение.

В противовес модели в медицине, социальных и поведенческих науках появились *холистическая модель здоровья* (1970-е г.), *социальная модель* (обозначившаяся в 1960-е г. как реакция на сегрегацию инвалидов), *био-психосоциальная модель* [67] и *модель выздоровления*. В них стали повсеместно использовать такие важные для индивида понятия, как надежда, индивидуальный потенциал, ресурсы и др. Выздоровление рассматривается как процесс, путь, который усиливается надеждой, пониманием себя, поддерживающими отношениями, включением в социум, развитием совладающих механизмов и появлением смысла жизни, что во многом определяет жизнеспособность человека. Фундаментальным понятием социальной модели (модели здоровья), появившейся как ответ на сегрегацию людей с особыми нуждами, является равенство всех: людей с особыми нуждами и обычных людей. Равные права усиливают возможность принятия решений и возможность жить полной жизнью, что сопоставимо с определением жизнеспособности: “работать

хорошо, играть хорошо, любить хорошо” [69]. В появившихся исследованиях жизнеспособности конца тысячелетия были уже отражены идеи социальной модели.

4. Четвертая волна исследователей демонстрирует необходимость понимать жизнеспособность как артефакт индивидуальной способности идти по своему пути к ресурсам здоровья и социума культурально приемлемым способом ([61] и др.). Жизнеспособность рассматривается как здоровое и социально приемлемое функционирование детей [63].

5. В последнее время исследователи делают акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности. Разрабатывается ее четырехаспектная экологическая модель [80] на отдельной возрастной группе (старшие подростки и молодые люди), включающая в себя следующие четыре области, каждая из которых, по мнению исследователей, в большой степени характеризует жизнеспособность: черты личности и индивидуальные характеристики, систему отношений, влияние общества и государства, включенность в культуру и культурную традицию. В русле этой модели проводятся и наши исследования [31, 32, 36].

ПЕРЕВОДЫ ТЕРМИНА “RESILIENCE” НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В большинстве отечественных работ для термина “*resilience*” встречаются разные определения и вкладываемое содержание, что часто связано с тем, как он переводится на русский язык. Это вызывает дополнительную путаницу и неточность использования термина в научной литературе среди других психологических понятий.

Мы уже говорили о том, что в ряде психологических исследований [4, 12 и др.] и других науках [57] термин “*resilience*” переводится как “жизнестойкость”. В отечественной научной литературе также можно найти перевод этого термина как “устойчивость”. Так Л.А. Александрова трактует данный феномен как *психологическую устойчивость* (гибкость) [2]. Обзор англоязычной литературы по исследованию “*resilience*”, переведенной автором как *психологическая устойчивость*, приведен в диссертации Б.Б. Величковского, в которой анализируются различные варианты использования этого термина в психологии развития, возрастной психологии, а также в рамках когнитивно-трансактных теорий стресса [15]. В переводе одного из документов Всемирной федерации психического здоровья “*resilience*”

обозначается как *психическая устойчивость* и определяется как сочетание природных способностей и приобретенных навыков поведения. Ее формирование возможно под влиянием таких внешних факторов, как поддержка общественных организаций и доверительные отношения с медицинскими работниками [42, с. 47]. По мнению Е.В. Кореня, *устойчивость (resilience)* детей и подростков определяет все усилия специалистов по первичной профилактике психических расстройств в контексте психосоциальной реабилитации, выделение и работу с факторами и группами риска, выявление и усиление факторов, способствующих этой *устойчивости (resilience)*, трансформацию копинг-стратегий и т.д. [28]. *Личностная сопротивляемость, устойчивость (resilience)* близка к понятию “жизнестойкость” (*hardiness*) и часто относится к психологии стресса и совладания с ним [21]. В.Н. Большаков с коллегами, оценивая возможность резких переходов экологических систем разного ранга из одного состояния в другое, говоря о *resilience*, переводит этот термин как “*упругая устойчивость*” [10]. Х. Боссель считает, что жизнеспособность (*resilience*) подразумевает устойчивость (и наоборот), при этом оба термина, по его мнению, являются взаимозаменяемыми [11]. По мнению О.В. Михалева, *устойчивость* является составляющей, одним из факторов жизнеспособности (*resilience*) организации [38, с. 25]. С точки зрения П.И. Бабочкина, жизнеспособность рассматривается как одна из базовых характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде [6]. *Устойчивость* является составляющей жизнеспособности, предполагает устойчивость к различным воздействиям, способность к восстановлению, о которой упоминается во многих определениях термина “*resilience*”; несомненно, понятие “устойчивость” включено в понятие “жизнеспособность”.

В обзоре западных литературных источников встречаются и другие переводы понятия “*resilience*”. Так Н.Ю. Федуниной этот термин определяется как *сопротивляемость* [54], автор подчеркивает синонимичность терминов “*resilience*” и “*hardiness*”, переводя последнее как “выносливость”. Е.В. Левикова в исследовании социальной компетентности подростков, ссылаясь на англоязычные исследования, переводит “*resilience*” как уровень *сопротивляемости стрессу* [33]. Часто приводится также калька: *резиллиантность*, уточняя содержание термина, как индивидуальная устойчивость в исследовании профессионального выгорания [13] или *ре-*

зильентность в исследованиях детей, живущих в трудных жизненных условиях [14]. В исследовании качества жизни пациентов общепсихиатрического отделения И.В. Абрамова приводит цитату из публикации М. Раттер [78], в которой она переводит “*resilience*” как *приспособляемость*, как систему целенаправленного преодоления проблем [1] или как *индивидуальную пластичность* [16]. В докладе экспертов ООН “*resilient*” факторы называют факторами *сопротивляемости* [46, с. 7–9]. В другом отчете ООН этот же термин переводится уже как *устойчивость* [37, с. 38], что свидетельствует о переменной коннотации термина: в документах одной и той же организации, которая даже выпустила свой глоссарий терминов, термин переводится по-разному. В переводе статьи С. Ионеску для определения культурной жизнеспособности используется *сопротивляемость на преодоление различных трудностей* [25]. Существует еще одно похожее определение жизнеспособности: “*сопротивляемость личности, способность к успешной адаптации и развитию компетентности в условиях угрозы со стороны обстоятельств, использование психологических ресурсов, необходимых для оценивания, интерпретации и последующего ответа на стрессоры. Она является интегральным или системным качеством личности, которое отражает определенные особенности взаимодействия личности с окружающей средой*” [51, с. 95]. Некоторые авторы выделяют *сопротивляемость* и *психологическую устойчивость* как синонимы, ссылаясь на исследования в отечественной психологии. Обсуждая перевод термина “*resilience*” как “*устойчивость*”, Е.В. Куфтяк приводит значение слова “*устойчивость*” в русском языке – не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый [30]. С нашей точки зрения, именно эти значения слова и соответственно термина “*устойчивость*” подчеркивают в термине “*resilience*” прежде всего паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения, происходящие с личностью, в ее возможности, что однозначно относится к термину “*жизнестойкость*” (*hardiness*) по [74] в переводе Д.А. Леонтьева [34].

Таким образом, термин “*resilience*” в отечественной научной литературе переводится как психическая устойчивость, сопротивляемость стрессу, сопротивляемость на преодоление различных трудностей, личностная устойчивость, психологическая устойчивость, жизнестойкость или даже просто калька с английского – резилантность. Очевидно, что такое терминологическое разнообразие свидетельствует о нечетком

понятийном контексте этого термина. Только в ряде исследований этот термин переводится как “*жизнеспособность*”, и таких исследований становится все больше и больше. В частности, в переводимой англоязычной литературе, посвященной психопатологии развития, возрастной психологии все чаще стал встречаться перевод “*resilience*” как “*жизнеспособность*” (Э. Мэш, Д. Вольф, 2003; Д. Майерс, 2004; Ч. Венар, П. Кериг, 2004). Еще не будучи знакомыми с переводом этих книг в марте 2003 г., мы предложили перевод на русский язык термина “*resilience*” как “*жизнеспособность*” в докладе на встрече экспертов международной рабочей группы по проекту “*Методологические и контекстуальные проблемы в исследовании детской и подростковой жизнеспособности: международное сотрудничество в исследовании психического здоровья детей и подростков, находящихся в группе риска*”. В нашем докладе было отмечено, что в русском языке не существует адекватного научного термина, за которым стоит следующее содержание: способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, *способности к жизни во всех ее проявлениях*, базирующейся на воли к жизни. Тогда же и был нами предложен термин “*жизнеспособность*”, который имел вышеназванное содержание. Позже содержание этого термина нами было уточнено [75]. Е.А. Рыльская дала характеристику ситуации с исследованиями жизнеспособности в России: «Вариативность качества, обозначаемого понятием “*жизнеспособность*”, весьма широка и, вместе с тем, весьма аморфна» [47, с. 102]. Следовательно, описательный способ валидации понятия “*жизнеспособность*” явно недостаточен для обеспечения достоверной валидности. По моему мнению, жизнеспособность – сложная смысловая конструкция, образованная следующими факторами: самоактуализация, жизнелюбие, психическое здоровье, материальная и социальная поддержка, межличностная гармония, энергетический потенциал, деловая активность, разумный оптимизм [там же].

С нашей точки зрения, такое различное содержание понятия “*жизнеспособность*”, которое отражается не только в переводе этого термина, свидетельствует о том, что понятие еще однозначно не определено, имеет в отечественной психологии часто расширенное толкование и указывает на необходимость уточнения этого психологического понятия. Существующие содержательные характеристики должны быть

выстроены в особой иерархии, в которой должны быть выделены системообразующий фактор, структура системы, т.е. совокупность устойчивых связей между элементами системы, которые обеспечивают ее целостность и тождественность самой себе.

Подтверждением того, что в слове “жизнеспособность” наиболее часто встречается семантика “способность жить, существовать и развиваться”, служат определения ряда словарей русского языка: “Жизнеспособность – это способность существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни, живой организм” (Толковый словарь Ожегова, 1992); “Обладание способностью сохранять и поддерживать свою жизнь, способность существовать, развиваться” (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой, 2000); “Способность особи сохранять свое существование в меняющихся условиях среды. Жизнеспособность включает анатомо-физиологические нормы функционирования и рефлекторно-психологические нормативы ответных реакций организмов на изменения в окружающей среде” (БСЭ). Предвидя критику по поводу адекватности перевода на русский язык термина “*resilience*”, мы приводим также ссылку на *Pocket Oxford Russian Dictionary*, в котором “*resilience*” переводится как: эластичность, упругость, выносливость, живучесть, *жизнеспособность* [77], способность восстанавливать силу, дух [81, с. 509].

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ТЕРМИНАМИ “ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ” (*RESILIENCE*) И “ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ” (*HARDINESS*)

Исследователи совладающего поведения предполагают, что в различных возрастных и социальных группах имеются личности, отличающиеся жизнестойкостью, которые лучше справляются со стрессом, обладают особыми стратегиями преодоления трудных ситуаций, и, вероятно, большим их количеством и разнообразием. В связи с этим было введено понятие “жизнестойкость” (*hardiness*), отражающее, с точки зрения С. Мадди и Д. Кошаба, психологическую живучесть и расширенную эффективность человека и являющееся показателем психического здоровья [74]. Впервые понятие “*hardiness*” было переведено на русский язык как “жизнестойкость” Д.А. Леонтьевым [34]. И начиная с 2002 г., после обоснования в публикациях этого автора и его коллег закрепился перевод на русский язык термина “*hardiness*” как “жизнестойкость”. Понятие “жизнестойкость” определяется как особый паттерн установок и

навыков, позволяющих превратить изменения, происходящие с личностью, в ее возможности [74]. Термин “жизнестойкость” используется в контексте проблематики совладания со стрессом и подчеркивает наличие установок, мотивирующих человека преобразовывать стрессогенные жизненные события [34]. С. Кобейса, изучая людей, находящихся под воздействием неблагоприятных жизненных ситуаций, разделила их на две группы и впервые определила жизнестойкость (*hardiness*) тех, кто испытывал сильный стресс и не заболел, как имеющих “сильные обязательства по отношению к себе, установок силы и энергии по отношению к окружению, смысл жизни и внутренний локус контроля” [70]. С. Мадди, описывая в общих чертах два отличных типа индивидуальности и базируясь на том, как люди видят себя, указал, что в связи с более “открытым” отношением к жизни личность выносливая и крепкая легче воспринимает смерть и испытывает меньше страха перед ней [73]. Он отмечает, что наиболее жизнеспособные испытывают “небольшую или почти никакую потерю в функционировании после серьезной неудачи, что позволяет им продолжать жить”. Отличие жизнеспособности от жизнестойкости С. Мадди видит в следующем: “Жизнестойкость человека представляют собой его храбрость и мотивацию, чтобы он смог выстоять перед стрессорами в соответствии с силой их воздействия, но это качество не позволяет ему оправиться от воздействия этих стрессоров, как это позволяет сделать жизнеспособность”. Он далее отмечает, что жизнестойкость – это путь к жизнеспособности; жизнестойкость “увеличивает жизнеспособность в широком диапазоне сложных обстоятельств жизни” [72, с. 261]. По мнению Е.А. Байер, различие в феноменах жизнеспособности и жизнестойкости состоит в том, что сначала формируется или определяется жизнестойкость, а затем постепенно, последовательно и систематично по специально созданной образовательной программе развивается у ребенка *жизнеспособность* как умение существовать, развиваться и приспособляться в быстро меняющемся социуме [7, с. 8].

Несмотря на эти и другие уточнения содержания этих двух разных понятий, во многих психологических исследованиях по-прежнему наблюдается разночтение, а иногда и просто смешение понятий “жизнеспособность” (*resilience*) и “жизнестойкость” (*hardiness*), что вносит дополнительную терминологическую путаницу в научном обороте этих терминов в русскоязычной литературе. Приведем несколько примеров смешения этих понятий. В рецензии на книгу извест-

ной исследовательницы жизнеспособности С. Лютар О.Б. Чеснокова термин “*resilience*” переводит как “жизнестойкость”, также внося неточность в определение уже закрепленного за термином “*hardiness*” – “жизнестойкость” [24]. Т.О. Арчакова, цитируя работу Л. Кирби с коллегами, приводит термин “*resilience*”, но переводит его также: “жизнестойкость”, определяя его как способность человека возвращаться к нормальному состоянию после потрясений, упругость, способность “гнуться, но не сломаться” [4]. Ю.В. Быховец, оценивая группы испытуемых, различающихся по уровню выраженности признаков посттравматического стресса, выделяет группу, в которой выражена так называемая “жизнестойкость” (*resilience*) [12]. В книге Й. Шеффи используется термин “жизнестойкость” организации для понятия “*resilience*”, которая определена как способность организации вернуться к нормальному уровню производительности и скорость восстановления после сбоя с низкой вероятностью серьезных потерь и тяжелыми последствиями для организации [57].

В русском языке равноправно существуют оба понятия: жизнеспособность и жизнестойкость, – и они различаются по семантике. В семантике слове “жизнеспособность” отражена важная для нашего понимания содержания термина особенность: способность существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни вообще и к неблагоприятным условиям жизни, в частности. Определение “жизнеспособный” имеет в языке следующее значение: обладающий способностью быть живым, сохранять свою жизнь, способный существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни. Жизнеспособность определяется как свойство по значению от прилагательного “жизнеспособный”. “Жизнестойкий” определяется как “обладающий жизненной силой; способный вынести неблагоприятные условия существования”. Соответственно “жизнестойкость” – свойство по значению от прилагательного “жизнестойкий” (Словарь русского языка, 1999, с. 484). Можно сказать, что в семантике слова “жизнестойкость” в отличие от слова “жизнеспособность” нет основного: первое не выражает способности человека существовать и развиваться, не содержит идею приспособления человека к жизни, фиксируя в семантике слова “жизнестойкость” жизненную силу человека, его стойкость к жизненным трудностям. Таким образом, понятие “*resilience*”, которое часто ошибочно приводится как синонимичное понятию “жизнестойкость”, по нашему убеждению, необходимо переводить как “жизнеспособность” и тем самым разграничить эти два разных понятия современной психологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в российской психологической науке наблюдается становление и уточнение понятий, описывающих способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы. Различное содержание понятия “жизнеспособность”, которое в немногочисленных пока отечественных исследованиях имеет часто расширенное толкование, ведет к путанице среди уже существующих понятий, отражается в переводе и свидетельствует об однозначной неопределенности, с очевидностью показывает на необходимость уточнения характеристик этого психологического понятия. Такое состояние исследований жизнеспособности субъекта определяет также и ближайшие перспективы: необходимо направить усилия на операционализацию термина, что, как известно, представляет собой особую процедуру установления связей обсуждаемого в статье концепта с методическим инструментарием, позволяющим исследовать этот термин, уточнять его содержание, преобразовывая абстрактное на сегодня понятие для отечественных психологов в конкретный термин. Операционализация понятия “жизнеспособность” для отечественной психологии – это не только перевод содержания понятия в эмпирически доказанные индикаторы, но и последовательное наполнение теоретическим и эмпирическим смыслом, особенно с учетом того, какое значение имеет этот феномен для многих отраслей человекознания: психологии, философии, истории, экономики, социальной экологии и пр.

ВЫВОДЫ

1. Жизнеспособность является междисциплинарным понятием и надтеоретическим конструктом, который используется в социальных науках, физике материалов, биологии, философии, экологии, медицине, экономике, и др. науках. В настоящее время в психологии происходит теоретическое осмысление жизнеспособности как системной характеристики человека.

2. В настоящее время не существует адекватного научного термина, за которым стоит следующее содержание: способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, *способность к жизни во всех ее прояв-*

ниях, “способность существовать и развиваться”. Такое содержание закреплено в англоязычной литературе за термином “*resilience*”, который на русский язык следует, по нашему мнению, переводить как “жизнеспособность”. Перевод этого термина как: психическая устойчивость, сопротивляемость стрессу, сопротивляемость на преодоление различных трудностей, личностная устойчивость, психологическая устойчивость, жизнестойкость или даже просто калыка с английского – резилиантность, – вызывает дополнительную путаницу и неточность использования термина в научной литературе среди других уже устоявшихся психологических понятий.

3. Во многих отечественных психологических исследованиях наблюдается разночтение, а иногда и просто смешение двух понятий: “жизнеспособность” (*resilience*) и “жизнестойкость” (*hardiness*), что вносит дополнительную терминологическую путаницу в научном обороте этих принципиально отличающихся терминов в русскоязычной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова И.В.* Качество жизни пациентов общепсихиатрического отделения // Журн. психиатрии и медицинской психологии. 2000. № 1 (7). С. 42–46.
2. *Александрова Л.А.* К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. Вып. 2 / Ред. М.М. Горбатова, А.В. Серый, М.С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 82–90.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1968.
4. *Арчакова Т.О.* Жизнестойкость против факторов риска. URL:<http://psyjournals.ru/articles/d20835.html>
5. *Ахиезер А.С.* Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 58–66.
6. *Бабочкин П.И.* Студент как субъект учебно-воспитательного процесса в вузе // Знание. Понимание. Умение. 2008. URL:<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/babochkin/>
7. *Байер Е.А.* Исследование жизнестойкости у детей-сирот в учреждении государственной поддержки детства как залога успешной интеграции в быстро меняющемся социуме // Ученые записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2009. № 4 (5). С. 6–11.
8. *Богданов А.А.* Борьба за жизнеспособность. М.: Новая Москва, 1927.
9. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1.
10. *Большаков В.Н., Криницин С.В., Кряжмский Ф.В., Мартинес Рика Х.П.* Проблемы восприятия современным обществом основных понятий экологической науки // Экология. 1996. № 3. С. 165–170.
11. *Боссель Х.* Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001.
12. *Быховец Ю.В.* Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Дисс. ... канд. психол. н. М., 2007.
13. *Валиева Ф.И.* Теоретико-методологические подходы к проблеме индивидуальной устойчивости в аспекте профессионального выгорания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 232–236.
14. *Ваништендаль С.* “Резильентность”, или оправданные надежды. Раненый, но не побежденный. Женева: Vice, 1998.
15. *Величковский Б.Б.* Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу: Дисс. ... канд. психол. н. М., 2007.
16. *Вельтищев Д.Ю., Ковалевская О.Б., Серавина О.Ф.* Стресс и модус предрасположения в патогенезе расстройств депрессивного спектра // Психич. расстройство в общей медицине. 2008. № 2. URL:<http://con-med.ru/magazines/magazines/special/psychiatryin-general/article/16973>
17. *Войтинас З.* Кто они, дети индиго? Калуга: Духовное познание, 2003.
18. *Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А.* Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124–130.
19. *Гурко Т.А.* Трансформация института родительства в постсоветской России: Автореф. дисс. ... д. социол. н. М., 2008.
20. *Гурович И.Я., Сторожакова Я.А.* К вопросу о значении понятия жизнестойкости в психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. Вып. 3. С. 81–85.
21. *Демин А.Н.* Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 37–47.
22. *Джидарьян И.А.* Гуманистический смысл идей Б.Г. Ананьева о системном человекознании // Методология комплексного человекознания и современная психология / Ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 29–43.

23. Жизнестойкость и уязвимость: адаптация к неблагоприятной среде в детстве / Ред. С. Лютар. Рецензия О.Б. Чесноковой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 142–149.
24. *Ионеску С.* Культурная сопротивляемость // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3 (10). С. 74–76.
25. *Кара-Мурза С.Г.* Жизнеспособность России как цивилизации // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества: Мат-лы науч. сем-ра. Вып. № 8. 2010. М.: Научный эксперт. С. 5–39.
26. *Катаев С.Л.* Концепт “гибнущее общество” в социологии // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Харьков, 2008. С. 11–13.
27. *Корень Е.В.* Психосоциальная реабилитация детей и подростков с психическими расстройствами в современных условиях // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18. Вып. 4. С. 5–14.
28. *Костко Н.А.* Прогнозно-нормативное проектирование в системе социального управления развитием региона: Дисс. ... док. социол. н. Тюмень, 2004.
29. *Куфтяк Е.В.* Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru>
30. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Жизнеспособность подростков-сирот. Проектная деятельность детей как ресурс развития жизнестойкости. М.: Благотворительный фонд “Женщины и дети прежде всего”, 2009. С. 6–33.
31. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 6. С. 39–47.
32. *Левикова Е.В.* Социальная компетентность больных шизофренией подростков. Ч. 1 // Психологические исследования. 2010. № 2 (10). URL: <http://psystudy.ru>
33. *Леонтьев Д.А.* Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Ред. Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
34. *Ляхова Л.Н., Галанина Н.В.* К проблеме самодетерминации социальных систем // Вест. Удмуртского ун-та. Вып. 2. Социология и философия. 2005. № 2. С. 249–262.
35. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. Психологическая адаптация и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 290–312.
36. Международная стратегия уменьшения опасности бедствий ООН (UNISDR). Терминологический глоссарий. Женева, 2009.
37. Механизмы контроля на вход в систему социальной защиты детей: теоретическое обоснование и первый опыт / Ред. Д. Роджерс. СПб.: КиНт-принт, 2010. Т. 1.
38. *Михалев О.В.* Экономическая устойчивость хозяйственных систем: методология и практика научных исследований и прикладного анализа. СПб.: Изд-во С.-Петербур. академии управления и экономики, 2010.
39. *Назаретян А.П.* Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 112–126.
40. *Новик А.А., Ионова Т.И.* Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.
41. *Пинкерто́н Дж.* Акцентируя “социальное” в социальном вовлечении: проблемы молодых людей, выходящих из-под опеки государства // Переходный период: вопросы развития. 2010. Вып. 15. С. 13–16. URL: <http://europeandcis.undp.org/home/show/f82a2d45-f203-1ee9-ba99ac4b825f890c>
42. Психическое здоровье и хронические соматические заболевания. Потребность в последовательном и комплексном подходе к лечению. Всемирный день психического здоровья. 10.10.2010 // World Federation for Mental Health. URL: http://www.wfmh.org/2010docs/russian%20wmhd_10_10_10.pdf
43. *Разумовский О.С.* Три подводных камня концепции устойчивого развития человечества // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 1997. № 1. С. 5–8.
44. *Разумовский О.С., Хазов М.Ю.* Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 1998. № 1. С. 3–7.
45. *Реймерс Н.Ф.* Экология: Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М.: Россия молодая, 1994. С. 45–49.
46. Руководство по проведению программ обучения навыкам жизни в семье в целях предотвращения злоупотребления психоактивными веществами. Нью-Йорк: ООН, 2009.
47. *Рыльская Е.А.* Жизнеспособность человека в представлениях обыденного сознания // Вестник МГОУ. Серия “Психологические науки”. 2008. № 3. С. 100–105.
48. *Савенков Б.В.* Оценка жизнеспособности муниципального образования: Автореф. ... канд. эконом. н. Челябинск, 2002.
49. Содействие жизнеспособным предприятиям. Доклад VI Междунар. конф. труда, 96 сессия. Женева: Международное бюро труда, 2007.

50. Степанова Е.А. Терроризм как угроза критической инфраструктуре // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 33–48.
51. Технологии обеспечения психологической безопасности в социальном взаимодействии: Учебно-методический комплекс / Ред. И.А. Баева, Л.А. Гаязова, Е.Б. Лактионова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
52. Тойнби А.Дж. Постигание истории / Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991.
53. Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А.Дж. Постигание истории / Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. С. 5–14.
54. Федунина Н.Е. Понятия устойчивости к травме и посттравматического роста // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 4. С. 69–79.
55. Хухлина В.В. Социальное исключение: проблемы и пути их решения // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2010. № 3. С. 66–81.
56. Шевченко В.Н. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема // Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2006. С. 5–40.
57. Шеффи Й. Жизнестойкое предприятие: Как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
58. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л.: АН СССР, 1940.
59. Щедрина А.Г. Понятие и структура индивидуального здоровья человека: методология системного подхода // Медицина и образование в Сибири. 2009. № 5. URL: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=380
60. Anthony E.J. Risk, vulnerability, and resilience: An overview // The invulnerable child / Eds. E.J. Anthony, B.J. Cohler. N.Y.: Guilford Press, 1987. P. 3–48.
61. Boyden J., Mann G. Children's risk, resilience, and coping in extreme situations // Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts / Ed. M. Ungar. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. P. 3–26.
62. Buckle P., Marsh G., Smale S. Assessing resilience and vulnerability: principles, strategies, and actions. Canberra: Emergency Management Australia, 2001.
63. Community-based participatory research for health / Eds. M. Minkler, N. Wallerstein. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2002.
64. Developmental assets and asset-building communities: Implications for research, policy, and practice / Eds. R.M. Lerner, P.L. Benson. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum, 2003.
65. Dijkstra A. Cybernetics and Resilience Engineering: Can Cybernetics and the Viable System Model Advance Resilience Engineering? // Proceedings of the Resilience Workshop. Vadstena, Sweden, 25–27 June 2007. P. 23–29. URL: <http://www.ep.liu.se/ecp/023/004/ecp2307004.pdf>
66. Donnon T., Hammond W. Understanding the relationships between resiliency and bullying in adolescence: An assessment of youth resiliency from five urban junior high schools // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America. 2007. V. 16(2). P. 449–472.
67. Engel G. The need for a new medical model: A challenge for biomedicine // Science. 1977. № 196. P. 129–136.
68. Fergusson D.M., Horwood U., Shannon F.T. Family ethnic composition, socio-economic factors and childhood disadvantage // New Zealand Journal of Educational Studies. 1982. V. 17(2). P. 171–179.
69. Garmezy N. Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. № 4. P. 1–23.
70. Kobasa S.C. Stressful life events, personality, and health: an inquiry into hardiness // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1979. V. 37. № 1. P. 1–11.
71. Laing R.D. The Politics of the Family and Other Essays. L.: Tavistock Publications, 1971.
72. Maddi S.R. On hardiness and other pathways to resilience // American Psychologist. 2005. V. 60. № 3. P. 261–262.
73. Maddi S.R. The existential neurosis // Journ. of Abnormal Psychology. 1967. V. 72. P. 311–325.
74. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and mental health // Journ. of Personality Assessment. 1994. V. 63. № 2. P. 265–274.
75. Makhnach A., Laktionova A. Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts / Ed. M. Ungar. Thousand Oaks-L.-New Delhi: Sage Publications, Inc, 2005. P. 371–386.
76. Masten A.S., Powell J.L. A resilience framework for research, policy, and practice // Resilience and Vulnerability: Adaptation in the Context of Childhood Adversities / Ed. S.S. Luthar. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1–28.
77. Pocket Oxford Russian Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.
78. Rutter M. Resilience in the face of adversity // British Journ. of Psychiatry. 1985. V. 147. P. 598–611.
79. Scoville M.C. Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain // American Journ. of Psychiatry. 1942. V. 99. № 3. P. 358–363.

80. *Ungar M., Liebenberg L.* The International Resilience Project: A mixed-methods approach to the study of resilience across cultures / Ed. M. Ungar. Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts. Thousand Oaks, CA: Sage. 2005. P. 211–226.
81. Webster new world dictionary of the American language / Ed. D.B. Guralnik. N.Y.: Warner Communications Co., 1983.
82. *Werner E.E.* Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study // Development and psychopathology. 1993. V. 5. P. 503–515.

RESILIENCE AS INTERDISCIPLINARY NOTION

A. V. Makhnach

PhD, senior researcher, Federal State-Financel Institution, Institute of Psychology RAS, Moscow

The meaning and use of “resilience” in psychological literature is discussed. The analysis of understanding of “resilience” in philosophy, cybernetics, history, economics and social sciences is done; the origin of the given term in literature is described. The differences between notions are shown. Resilience is defined as ability to cope with unfavorable life conditions with faculty for rehabilitation and use of all possible internal and external resources, capacity for life in its all manifestations, ability to exist and develop.

Key words: resilience, system’s resilience.